

БЕЗМОЛВНЫЙ ПЕРЕВАЛ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Безмолвный перевал / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-241250-9

Апрель 1986 года. Афганистан. В районе Кандагара выявлен секретный маршрут, по которому афганская оппозиция получает с территории Пакистана новейшее американское оружие. Группе спецназа КГБ «Дон» полковника Вячеслава Богданова приказано перекрыть трафик и, по возможности, захватить образец иностранного вооружения. Помочь нашим должны повстанцы из племени местных белуджей, притесняемых бандитами. Отряд Богданова выдвигается в горы. Но на подходе к указанному району бойцы получают известие, что кишлак, в котором назначена встреча с повстанцами, захвачен моджахедами. Засады не миновать. В сложившейся ситуации полковник принимает единственно верное решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-241250-9 © Тамоников А.А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Даже в стенах крепости
не забывай про врага.

Афганская пословица

Смерть всегда найдет свою жертву. Уж коль заявила в гости, с пустыми руками домой не воротится. Каким-то непостижимым образом умеет она прибрать человека. Несмотря на уйму предосторожностей, всякий раз находится кто-то невезучий ли, нерасторопный ли, или просто беспечный, кого она уносит с собой в неизвестность. Вот и вчера под вечер приперлась костлявая в гарнизон под Гиришком в пыльных вихрях лихого «афганца».

Ух, бешеное ветрило налетело! Кружило-кружило, жарило и душило ребят, застилало окрестности так, что ни зги не видать. Обжигающе холодная апрельская ночь в одночасье сделалась знойной. Да ладно бы с пылью ветер, как обычно, к такому вроде бы и привыкать начали, особенно те, кто не первый год здесь, в провинции Гильменд. Так нет же! Еще и песку наволол шайтан! Откуда, скажи на милость, столько пе-

ску? Сплошь каменистая земля окрест, ближай-
шие барханы в десятках километров отсюда, где
от берегов Гильменда — реки, по которой назва-
на провинция, — до пограничных гор Чагай про-
стирается пустыня Регистан.

Но удаленность пустыни — иллюзия, на самом
деле она куда ближе к гарнизону, чем кажется.
Стоит проехать от базы на юго-восток до Буста,
и вот на двести километров вширь и двести вдаль
раскинулись бескрайние песчаные поля с боль-
шущими белыми пятнами пухляка. Вступишь
в этот пухляк, и словно сработала противопе-
хотная мина! Моментом взмывает в воздух тучка
белой пыли, облепляя штаны до самой пряжки.
Возможно, кстати, что насыщенный древней со-
лью пухляк и придает пылевым ураганам харак-
терный солоноватый привкус, который долго
держится на обметанных губах. А именно таким,
горько-соленым, был вчерашний «афганец».

Впрочем, на юго-запад от Гильменда лежит
другая пустыня — Дашти-Марго. Она по боль-
шей части глинистая, ее такыры¹ словно нароч-
но вымощены темно-бурой плиткой, как если бы
здесь веками вкалывали тысячи рабов, выпол-
няя повеление безвестного эмира. На самом же

¹ Т а к ы р — это форма рельефа, которая образуется при
высыхании засоленных почв в пустынях и полупустынях.
Слово имеет тюркские корни и переводится как «гладкий»,
«ровный», «голый».

деле «плитка» — потрескавшаяся глина, творение природы, а не рук человеческих. Среди бесчисленных такыров и солончаков Дашти-Марго затерялось немало островков песка. Персидское название пустыни означает, если переложить на русский, «Долина смерти». Точнее не скажешь, воистину она, в три раза большая и тысячу раз более унылая, чем отделенная от нее рекой пустыня Регистан. Быть может, «афганец» прилетел отсюда. Почему знать! В лагере синоптиков нет. Словом, выбор песка на юге страны богатый: хочешь там черпай, хочешь сям. И ночной ураган, не церемонясь, начерпал где-то тонны этого «добра».

Ветер попался дюже свирепый, своевольный и необычный, он легко дотащил свою ношу до лагеря и давай, не скупясь, посыпать его песком. А жили ребята, надо сказать, не в модулях, как здесь назывались сборные коробочки из деревянных панелей, эдакие «фанерные домики». Нет, что вы, база-то временная, потому-то солдаты жили в палатках. Так что силу песчаной бури ощутили на своей шкуре вполне.

В песчаных завихрениях бесшумно кралась старуха с косой.

На кой ляд рядовому Федотову понадобилось в такую непогоду выйти? Что-то он сказал тогда товарищам, как-то объяснился, отмахнувшись от тех, кто его отговаривал. Сейчас его

слов никто и вспомнить не может, не знают парни, по какой причине рядовой покинул палатку. Но можно не сомневаться, что какая-то дурацкая причина нашлась. Всякий раз в пыльную бурю у кого-то сыщется как бы весомый мотив выйти в непроглядную мглу, под хлещущий по лицу, точно наждачкой, поток горячего воздуха. Один говорит, что по малой нужде; другой говорит, что по большой; третьему надо что-то прицепить или привязать, чтоб ветром не снесло; четвертому непременно понадобится что-то переставить на другое место, чтоб песком не замело. Они уходят — и не возвращаются. Кто бы объяснил этот парадокс человеческой психики, сродни склонности к самоубийству.

Так и Федотову что-то не давало покоя, отчего он скоро собрался и выскочил из-под брезента, бросив ребятам напоследок шутовское: «И не такие метели в хлебало летели!» С тем и сгинул.

Полковник КГБ Вячеслав Богданов знал эту предательскую, подлую хитрость песчаных и пылевых бурь... Как, впрочем, и снежных буранов. Одна шайка с общими повадками. Кружит, метет вихрь подле тебя, и все-то тебе кажется, что отошел ты недалеко, вот совсем рядышком ты. Затем в какой-то момент неожиданно-негаданно осознаешь, что проделал не пять шагов, а тридцать, причем не в ту сторону, куда намылился. Опаньки! Открытие, от которого дрожь проши-

бает спину так, что стреляет в поясницу и позвоночник холодеет. Но первое, что ты делаешь в очевидно безвыходной ситуации, — молчишь. В трусливом молчании разворачиваешься якобы на 180 градусов, хотя черт его знает, куда на самом деле. Стыдно позвать людей, стыдно показаться слабаком. У Федотова тоже стыд одолел страх, подавил инстинкт самосохранения. Не хотел парень смалодушничать и после услышать в лицо: «Чего глотку дерешь, дубина? Сам, что ли, палатку найти не смог, хотя стоишь вплотную к ней?»

Когда же понял, что обратной дороги не отыскать, что впереди смерть, когда увидел, как тянется из сплошной пыльной стены мерзкая старушечья лапа — тогда заголосил. Кричал благим матом, давясь слезами и соплями, обливаясь потом. Но поздно. Слишком далеко он от людей, слишком слаб его голос, чтобы одолеть завывания «афганца».

Что не менее поражает — никто из товарищей не останавливает «самоубийц» этих (иного слова нет, хотя ясен день, они не намеренно идут на смерть, а в силу наивной безалаберности). Просто удивительно, как легко людей отпускают в непогоду навстречу опасности. Нет бы подскочили к Федотову трое сослуживцев да отвесили три оплеухи, да наорали бы в три глотки, мол, нечего вперед бабки в пекло соваться, и за-

толкали кулаками в палатку. Когда не надо, ведь все вон какие шустрые да бодрые: и матюкаются, и тумакі отвешивают. А тут — куда вся прыть подевалась, вдруг превратились в рафинированных интеллигентов, никто «самоубийце» худого слова вслед не сказал. Наружу идешь? Ну и топай, куда шел!

Это не безразличие и не скотство, вы не подумайте! Не судите ребят. Они готовы жизнь за товарища отдать. Но усталость подавляет самый крепкий дух и самое сильное тело. Усталость господствует здесь повсюду. Она подчиняет волю и затуманивает разум. Усталость от тяжелого ратного труда, от необходимости долгое время быть начеку, в состоянии боевой готовности, в ожидании угрозы.

За усталостью приходит беспечность. Не может измотанный войной человек двадцать четыре часа в сутки быть собранным и здравомыслящим. Люди тупеют, делаются безрассудными, творят глупости. Один по беспечности вышел в бурю, «все-го-то на минутку». Другие по беспечности его не особо удерживали, дескать, «он меж двух палаток не заблудится». А там и оглянуться не успели, как после ухода Федотова протекло полчаса.

Как полчаса? Так, полчаса. И нет его? Нет, не пришел. Наверное, в соседней палатке сидит, язык чешет... Нет, в лагере отбой, не до пересудов.

Взволнованные, высыпали скопом наружу, остерегаясь отходить далеко, позвали, поорали, наглопались соленой пыли. Впотьмах нащупали в заборе дырищу, которую пробил ураган. Парни неохотно вернулись в палатку, с ужасом осознавая, что рядовой Федотов, сам того не ведая, ушел в пустыню и пропал. Даже если он еще жив (а скорее всего, жив и обречен на мучения ближайшие час-полтора), то не вернется. Кто в бурю заблудится, обратного пути не найдет. Исключений из этого жестокого правила пустыня не знает.

Ночью в палатке не смыкали глаз. Испытывающие страх и жалость к другу люди слушали, как торжествующе улюлюкает буря, потешаясь над их горем. А быть может, то хохочет старуха, самое смерть желает поглумиться над солдатами, напомнить им, что не только с пулей приходит она, но способна явиться откуда угодно и когда угодно. Есть чему радоваться костлявой. Она забрала богатую добычу — крепкого, сильного парня, веселого, приветливого, беззлобного, у него и девушка дома осталась, с которой Федотов был ласков, как теленок, в этом можно не сомневаться, зная его характер.

Казавшаяся бесконечной ночь прошла. Над базой раскинулась небесная лазурь, чистейшая, как платок у аккуратной хозяйки. Ни облачка, ни намек на недавнюю непогоду. Лишь мутная дымка на горизонте указывала, куда сбежал «аф-

ганец», сделав свое черное дело. Разумеется, ясное небо после бурь, так оно обычно и бывает. Прохладно, однако воздух быстро разогревается. Нет сомнений, что задолго до полудня на предгорье навалится жуткая жара, которая держится в Гильменде последнюю неделю, несмотря на весну.

Богданову доложили о происшествии еще до общей побудки. Хотя, собственно говоря, о какой такой побудке речь? Едва буря миновала, как в лагере началось движение, в итоге раньше положенного времени по тревоге проснулись все, и полковник не стал исключением.

Невероятно, что минувшим вечером Богданов отрубился и спал без задних ног, хотя находился через три палатки от палатки Федотова, но сквозь неумолкающий рев «афганца» не слышал ни голоса рядового, который наверняка звал на помощь, ни искавших его друзей, которые неистово вопили, надеясь услышать в ответ хотя бы стон. Поутру командование обследовало разворочанный забор и убедилось, что Федотов мог далеко уйти за пределы лагеря. Поэтому Вячеслав Антонович велел поднимать Ми-8 и организовывать поиски.

Провинция Гильменд — по большей части равнина, наклоненная с востока на запад, так что летать на вертолете здесь относительно безопасно, нет риска врезаться в скалу, незачем

постоянно менять высоту. Лети себе и лети. То ли дело на северо-восток отсюда, где пилотам приходится демонстрировать исключительное мастерство, но и оно не всегда помогает. На отметках выше 3000 «вертушка» не летает, такие гористые участки приходится огигать, совершая подчас немалый крюк. К счастью, вдоль дороги Гиришк — Лашкаргах местность, удобная для полетов. Поиски тоже вести удобно, когда вертолет держится на одной высоте, летит ровно, а под тобой плоская, словно крышка стола, поверхность, которая хорошо обозревается вплоть до низеньких, пологих холмов на горизонте.

Найти рядового живым Богданов не рассчитывал, но отыскать хотя бы тело нужно непременно. Это долг перед бойцом. Но в первую очередь долг перед живыми, которым важно знать: случись что, их тело вернется на родину, а не останется брошенным здесь на корм жукам-мертвоедам и шелудивым шакалам.

Минут двадцать пилот готовил «вертушку», освобождая машину от налипшей толстым слоем пыли. Тем временем пеший поисковый отряд выдвинулся прочесывать окрестности лагеря. Оставшиеся на базе приводили в порядок имущество, разбросанное по иссушенной земле и припорошенное песком. А заодно тоже искали Федотова, чье распластавшееся тело запросто могло лежать

где-то в черте гарнизона, вон за теми ящиками, например, за баней, за складом, за гаражами или за одиноко стоящим в сторонке БТР.

* * *

Лопасты с шумом рубят воздух над головой. На борту Ми-8, кроме пилота Лебедева и Богданова, еще один человек — лейтенант Колесов. Пока полковник смотрит в одну сторону, лейтенант смотрит в другую. Так возрастают шансы ничего не упустить из виду. Больше людей в вертолет не взяли, надобности нет, только пустая трата топлива. Сейчас важнее работа на земле, чем и занят поисковый отряд, который время от времени получает ориентиры с «вертушки».

Колесов с Богдановым почти не разговаривают, сосредоточены на поисках. Лишь изредка то один, то другой легонько толкнет товарища и спросит: «Глянь-ка, что это может быть?» Перекинутся парой слов, обменяются мнениями, чтобы решить, надо осматривать тот подозрительный пятачок сухой каменистой почвы, на котором вроде бы остались какие-то следы либо вещи, предметы обмундирования.

Сверху земля на многие километры вдаль казалась полосатой. Белесые, со слабым желтоватым оттенком полосы, изобилующие мелкими камушками, будто нарочно посыпанные щебен-

кой, чередовались с полосами блекло-красноватого цвета, видимо, в прошлом насыщенного, но затем выцветшего на палящем солнце. Либо эти полосы всегда имели приглушенные краски, таков уж естественный цвет местных грунтов.

Нельзя исключать, что тело лежит на земле на небольшом расстоянии от лагеря. Вполне вероятно, труп хорошо виден с воздуха, хотя иногда соседство камней или кустов, дающих причудливые тени под утренними солнечными лучами, способно превратить контуры человека в нечто странное, непонятное. Так что следует рассматривать в бинокль всякий подозрительный объект необычной формы, если только он сколько-нибудь схож с человеческим телом очертаниями и размерами.

Но не только! «Афганец» щедро сыпал землю песком, поэтому, скорее всего, труп замело. Это означает, что поисковикам надо высматривать кучки песка, достаточно крупные, чтобы похоронить под собой рослого молодого мужчину.

Все это полковник учитывал, всматриваясь в однообразную панораму внизу. Разглядывая очередную кучку в бинокль, он заметил на ней массу коричневатых ящериц и какой-то шевелящийся круглый комочек светло-серого цвета. Да это ведь ежик! Видел их Богданов вблизи, лопухие такие зверьки с хитрыми острыми мордочками и подслеповатыми глазками-бусинками.

Осторожное ночное животное неспроста очутилось на песчаной кучке по соседству с верткими ящерками. Вчера из-за бури еж не смог поохотиться, поэтому голод погнал его в неурочные утренние часы, пока солнце не раскалило землю и пока вокруг снует масса насекомых.

Человечину, тем более трупную плоть, ежики не едят, как, впрочем, и ящерики. Но они устроили собрание на песчаной куче не случайно, животных привлекло обилие корма. В бинокль с вертолета, конечно, не увидишь сонмища копошащихся козявок, однако опыт и элементарное знание пустыни подсказывали: здесь наверняка собралось немало всевозможных жуков и муравьев. Насекомые тоже облюбовали кучу не по прихоти, нечто съедобное приманило их на пиршество. Шестиногие «друзья» наверняка учуяли трупный запах, в этом деле они шустрее и сообразительнее крупных четвероногих падальщиков и даже птиц-стервятников. Что же там внизу, туша животного или тело человека? Стоит проверить!

Полковник скомандовал осмотреть песчаную кучу, указав направление, а затем похлопал пилота по плечу, подав знак двигаться дальше. Велико искушение проследить за ходом поисков, чтобы подтвердить или опровергнуть верность догадки насчет насекомых-мертвоедов. Однако нельзя, не для того «вертушку» подняли. Нужно

лететь вперед, нарезая круги, и выискивать внизу под собой другие кучи песка и прочие признаки погибшего человека.

Через десять минут по рации передали, что наводка на кучу с ежом верна. Под песком действительно лежало бездыханное тело рядового Федотова. Не дожидаясь команды полковника, пилот развернул машину обратно на базу. Люди на борту молчали. Говорить не хотелось, да и не о чем было. Парень погиб почем зря. Нелепая смерть, аж сломать что-нибудь хочется, до чего тошно!

Лейтенант положил ладонь на плечо Богданову и крепко сжал пальцы. Полковник подумал, что это в знак поддержки, а еще из благодарности за помощь в поисках рядового. Но нет, Колесов с усилием тормозил Богданова за плечо. Наконец, полковник вышел из задумчивости, встряхнулся и тогда расслышал, как лейтенант едва ли не в ухо орет ему:

— Смотри же, ну, смотри! Вот она, совсем рядом поравнялась! Что за фиговина?!

Указательный палец Колесова возбужденно тыкал в воздух. Богданов обернулся в направлении, куда целился палец, и увидел... это.

Вспотевший, с трясущимися руками, Вячеслав Антонович торопливо связался со своей базой, затем с базами в соседнем Лашкаргахе. С земли подтвердили, что экипаж вертолета